

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Зеркальная душа

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619685*

Аннотация

«Сначала кто-то долго пытался нашарить ключом замочную скважину.

Человек, пытавшийся сделать это, применял такой способ: откачнувшись, он падал на дверь, с приставленным к животу ключом, в надежде, что ключ случайно проскользнет в замочную скважину.

Но это было похоже на лотерею-аллегри, где на сто пустых билетов – только один выигрышный...»

Аркадий Аверченко

Зеркальная душа

Святочный рассказ

Сначала кто-то долго пытался нашарить ключом замочную скважину.

Человек, пытавшийся сделать это, применял такой способ: откачнувшись, он падал на дверь, с приставленным к животу ключом, в надежде, что ключ случайно проскользнет в замочную скважину.

Но это было похоже на лотерею-аллегри, где на сто пустых билетов – только один выигрышный: общая площадь двери была громадная, а замочная скважина маленькая.

Но случай – великое дело; на сорок седьмой попытке ключ попал в замочную скважину, при тихом торжествующем смехе хозяина квартиры.

Он повернул ключ в замке, но сейчас же забыл об этом и, когда после его толчка дверь распахнулась, удивился: как это он с утра оставил дверь открытой.

– Может быть, пришел ко мне кто-нибудь? – нерешительно подумал он.

Предположение его оказалось справедливым: когда он зажег электричество – в большом зеркале, вделанном в стену и украшенном драпировкой, отразилась чья-то фигура в шубе

и шапке, нерешительно на него поглядывавшая.

Он тоже бросил на неизвестного человека робкий взгляд, шаркнул ногой, притопнул и поклонился.

Неизвестный ответил вежливым поклоном.

– Здравствуйте! – сказал хозяин квартиры. – Какими судьбами? А я, представьте, так и догадался: смотрю – дверь открыта, ну, значит, кто-нибудь... на огонек. Раздевайтесь!

Хозяин снял шубу, бросил ее на диван; потом повернулся к гостю, чтобы помочь ему разоблачиться, но гость был уже без пальто.

– Садитесь! – сказал хозяин. – Очень рад, что вссс... помнили! Хе-хе. Сядьте.

Гость, однако, стоял, ухмыляясь.

– Ну, право, сядьте. Наверное, устали, взбираясь по лестнице. Садитесь! Не хотите?.. Вот чудак! Хе-хе... Вырасти хотите? Да? Ну, я сам покажу пример, хотя это, мила-ай мой, со стороны хозяина и невежливо. Верррно?

Хозяин опустился на стул; тогда и гость последовал его примеру.

– Веселое нынче Рождество, не так ли? – спросил хозяин, помолчав.

Гость ответил легким помахиванием руки.

Хозяин, в сущности, не знал, о чем и как беседовать с неразговорчивым гостем, но правила гостеприимства, которые он твердо помнил, несмотря на отуманенную, отягченную вином голову, заставляли его поддерживать пустой бес-

содержательный разговор.

– Морозы! Да?

Гость ответил неопределенным жестом руки.

– Уж-жа-сные! Представьте, вышел я на улицу, а калоши – трах! Моментально примерзли к тротуару. Хочу поднять одну ногу – не могу! Хочу другую – не могу! Хочу треть... Гм! Да... Очень сильные морозы.

Помолчали.

– Это очень хорошо, что вы пришли. Нужно, знаете ли... духовное общение... Подъем!..

Хозяин сочувственно взглянул на гостя; вглядевшись попристальнее, он заметил в одежде гостя беспорядок: галстук был развязан и воротничок, петля которого оборвалась, торчал одним концом у самого уха.

– Что это, голубчик, с вами? Воротничок-то подгулял, а? Хе-хе.

Оба долго смеялись, плутовски подмигивая друг другу.

Потом тема разговора иссякла.

– Сильные морозы, а? Пре-же-сто-кие. Во!

Гость сжал руку в кулак с таким видом, будто хотел иллюстрировать крепость мороза, но ничего не сказал.

– Да... Очень, очень большие морозы. Вот вы заметьте – летом не бывает морозов – почему? Потому что – смешно! В июне снег! В июле – мороз! Как так? Засмеют!! Ей-богу. Дико!

Снова собеседники замолчали, неприязненно поглядывая

друг на друга.

– Пришел и молчит, – подумал хозяин. – И еще – одну калошу снял, а другую не снял. Как не стыдно, право... Сви-
ньи, а не люди! Черт с ним! Закурю лучше...

Он полез в карман, вынул портсигар, взял одну папиросу и протянул портсигар гостю, но тот тоже достал портсигар и уже протягивал его хозяину.

– Благодарю вас! Свои курю, – сухо сказал хозяин. – Поз-
вольте прикурить только.

Он вытянул голову, прикоснулся папиросой к папиросе гостя и затыкнулся.

– Кой черт! Ведь у вас не горит. Чего же вы даете мне закуривать?.. Эх вы! Сейчас!

Хозяин встал, нашел спички, зажег папиросу, дал заку-
рить от своей папиросы гостю, и оба они, окружив себя об-
лаками табачного дыма, погрузились в молчание.

– Да, – сказал хозяин. – Очень большие морозы...

Гость иронически промолчал, очевидно, недовольный од-
нообразием темы разговора и будто выжидая, не скажет ли
хозяин что-нибудь более интересное...

– Свирепые. Я на одном доме нынче видел – градусник к
стене примерз. Чесссн... слово.

Гость дипломатично промолчал.

– Может, коньяку выпьете, – неожиданно предложил хо-
зяин. – Чрезвычайный коньяк есть! Совсем забыл за этими
разговорами. Хе-хе.

Хозяин оживился и заметил, что при упоминании о коньяке оживился и гость.

– Любит, наверно, дрызнуть, – с легким укором подумал хозяин. – Ишь, как глазки сразу заблестели...

Он вышел в столовую, натываясь на стулья и тихонько посмеиваясь. Достал бутылку коньяку, рюмку и, вернувшись, сказал:

– Вот коньячок и две рюмочки. Ни-ни – и не отказывайтесь! Дело праздничное...

Гость облизнулся и потер руки.

– Любишь, каналья, – с ласковой укоризной подумал про себя хозяин.

Он наполнил единственную рюмку, отодвинул горлышко бутылки на вершок влево, налил немного вина на скатерть и подмигнул гостю:

– Ну... ваше здоровье! Выпьете, может, развеселитесь...

В руках гостя уже была рюмка. Оба звонко чокнулись и, опрокинув головы, выпили.

– Ну, как дома у вас... все благополучно? – спросил хозяин, снова садясь на стул.

Гость ни слова не ответил на этот простой вопрос.

– Слушайте! Вы! Я вас спрашиваю, – с легким раздражением возвысил голос хозяин. – Вы все время молчите – нельзя же так! Я могу это счесть за нас...мешку! За презрение к хозяину дома! Или – хе-хе – вы уже так набрались, что и говорить не можете?

Гость усмехнулся, но по-прежнему остался безмолвен, как дерево.

Хозяин горько засмеялся.

– Конечно! Мы люди маленькие... Разве нас удостоят разговором эти большие господа... Они нас, видите ли, презирают... Нисходят до нас! А в наш дом, – крикнул он, – они приходят! Наш коньяк пьют! Зачем тогда было приходиться – шли бы к себе домой...

Голос хозяина принял оттенок язвительности.

– А знаете что? Наплевать мне и на вас и на ваши разговоры! Идите домой и – надеюсь – никогда не встречусь с вами. Тоже... гость!.. Пришел, когда хозяина дома нет – это разве можно! А может, я тебя не желаю принять? «Илья Чепцов нынче болен и никого не желает принимать!» Слышишь! А ты лезешь. Потрудитесь уйти, я спать хочу – вот что-с!

Но гость и не думал об уходе; наоборот, он развалился в кресле и бросал на хозяина вызывающие взгляды.

– Слушш... Уходите отсюда! Довольно-с. Пора спать, милоссс... государь! А то я поговорю с вами иначе!

Ярости и возмущению хозяина не было границ, когда гость вдруг ни с того ни с сего погрозил хозяину кулаком и уперся руками в бока.

Хозяин, дрожа от злости, встал со стула... Встал и гость.

Чувствовалось, что сейчас произойдет что-то ужасное.

– Вон! – крикнул хозяин, размахнулся и – получил сильнейший удар по своему сжатому кулаку.

– А-а, – слабо улыбаясь, сказал бледный хозяин. – Драть-ся? Да? Пришел в гости и дерется?

Рука его горела от удара, а обида на сердце скопилась в целое бушующее море...

– Его коньяком угощаешь, разговар... как с порядочным человеком, а он – драться!..

Было жалко себя, своей загубленной молодости, сердце щемила обида и унижение.

– Хоррошо! – неожиданно сказал хозяин. – Черт с тобой... Ты не уйдешь – уйду я. Ха-ха-ха! Видали, люди добрые? Хозяина выгоняют из его же собственного дома... Прекрасно! Я уйду, милый... Уйду... Пусть! Человечество меня гонит, у меня нет крова – пойду и усну, как собака бездомная под забором. Замерзну... (он заплакал). И кто будет виноват? Ты! Что ж... Мало ли нас, бездомных странников... умирает... под забором. Эх! Доехали... Доехали Илью Чепцова!

Он поднял с полу свою шубу, надел ее, нахлобучил на уши шапку и, не глядя на грубого человека, оскорбившего его, ушел с великой тоской в растоптанной душе...